

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
I. ИСТОРИЯ БИОГРАФИИ БОЛЬШЕВИКА ДЖУГАШВИЛИ	13
II. ИСТОЧНИКИ	51
ЖАНДАРМСКИЕ АРХИВЫ	52
АВТОРСКИЕ ТЕКСТЫ СТАЛИНА И ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ	71
ВОСПОМИНАНИЯ О СТАЛИНЕ	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120

ВВЕДЕНИЕ

Иосифу Виссарионовичу Джугашвили, более известному как Сталин, к моменту свержения самодержавия было 38 лет¹. Более половины из отведенных ему судьбой 74 лет он провел при старом режиме, а к революции подошел вполне зрелым, сложившимся человеком. Между тем эта часть его биографии до сих пор недостаточно изучена, изобилует неясностями, пробелами, слухами и версиями разной степени фантастичности и недостоверности. Из-за этого и сам Сталин выглядит как одна большая мистификация: человек с придуманной фамилией, путаницей с датой рождения, сомнениями насчет национальности (грузин? осетин?), каскадом фальшивых имен и документов, слухами о неких темных пятнах в прошлом; даже само его участие в революционном движении и то ставилось под вопрос.

Сталин и сталинская эпоха в целом уже четверть века являются объектом пристального изучения как русских, так и зарубежных специалистов, научные конференции по истории сталинизма собирают впечатляющее число участников, издается огромное число статей и книг, введены в научный оборот крупные массивы архивных документов. Но диспропорция в наших знаниях о биографии Сталина сохраняется: фигура советского диктатора неизменно находится в центре внимания, и он же в роли революционера-подпольщика продолжает оставаться в тени. С одной стороны, это совершенно естественно. С другой — возможно, мешает более точному пониманию мотивов принятых решений и многих разворачивавшихся в сталинском окружении процессов. Ведь Сталин пришел к власти с багажом жизненного опыта, приобретенного именно в революционном подполье. Это было и специфическое знание страны и народа (взгляд подпольщика, вовлекающего

¹ Я полагаю достоверной датой его рождения 1878 год.

рабочих в революционные кружки и массовые акции, или взгляд ссыльного, живущего среди обывателей Вологды, Сольвычегодска, Туруханска), и усвоенные методы действий, и опыт личного общения с соратниками. Ведь многих большевиков, членов советского руководства, Сталин знал давно, это не могло не сказываться на выборе им помощников, «ближнего круга», а также и внутрипартийных врагов.

Конечно же, недостаточная изученность первой части сталинской биографии имеет серьезные причины, не исчерпывающиеся тем очевидным фактом, что вторая половина его жизни представляется гораздо более значимой. Принявшийся за дореволюционный период жизни Иосифа Джугашвили, исследователь сталкивается с целым рядом трудностей методического и технического характера. Проблема здесь не в скудости источников, но в их изобилии. Технические трудности связаны с необходимостью масштабного поиска документов, распыленных по десяткам и сотням архивных дел и порожденных сложнейшим делопроизводством политической полиции Российской империи. Методические же коренятся в той источниковедческой головоломке, с которой придется иметь дело историку, собравшему наконец достаточно представительный документальный комплекс. Честно говоря, не существует ни одной категории источников о молодом Сталине, которые можно было бы счесть априори более или менее заслуживающими доверия. Большевики-сталинисты и большевики, обиженные Сталиным, меньшевики-эмигранты — каждый зависел от собственной позиции, положения и судьбы, и это не могло не отразиться на содержании мемуаров. Множе определял давний партийный раскол на меньшевиков и большевиков. Названия фракций в конспиративной переписке сначала из предосторожности перед возможной перлюстрацией стали сокращать: «б-ки» и «м-ки», затем это перешло в партийный жаргон, говорить и даже писать между собой стали «беки» и «меки». «Беки» — большевики, «меки» — меньшевики.

Были еще жандармы, оставившие обильную документацию, но по понятным причинам их осведомленность о делах РСДРП была ограниченной.

Задача данной книги — поделиться сугубо источниковедческими наблюдениями автора после более чем десятилетней работы с документами о молодом Сталине².

Сталинская биография во всех ее аспектах была чрезвычайно политизирована, причем история этой политизации весьма ранняя. Она началась даже не с появлением Сталина у власти, а значительно раньше, еще в дореволюционную пору, и коренится зачастую в давних внутрипартийных раздорах. Сложность в том, что все, кто рассказывал что-либо об Иосифе Джугашвили, — и враги, и сторонники — все так или иначе оказывались под влиянием политической конъюнктуры, которая в итоге накладывает на источники, а вслед затем и на исследования, неизгладимые, хотя и очень противоречивые следы. Противоречия коренятся в наслаждающихся друг на друга взаимоисключающих политических позициях авторов. Причем по прошествии лет ситуация представляется все более запутанной. К примеру, до сих пор не вполне забыт

² На данный момент результатами этой работы стали несколько статей: Эдельман О. «У мне был 16–17 лет когда я видел тав. Сталина». Ложные воспоминания о вожде // Неприкосновенный запас. 2012. № 5 (85). С. 137–148; Эдельман О. Пуговица и свет в туннеле: фольклор и приемы советской пропаганды // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / под ред. А. Архиповой. М.: РГГУ, 2013. С. 326–334; Эдельман О. Соко в Батуме, 1902 // Неприкосновенный запас. 2013. № 4 (90). С. 229–244; Эдельман О. Семинарист Джугашвили (1894–1899) // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013. С. 170–193; Эдельман О. К вопросу о переезде Иосифа Джугашвили в Батум (1901–1902) // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XVI. М., 2013. С. 195–204; Эдельман О. Не заметивший войну: безмятежная жизнь Кобы в Туруханске // Неприкосновенный запас. 2014. № 4 (96). С. 97–114.

вопрос о «завещании Ленина», то есть о том, указал ли он на Сталина как на своего преемника, хотя сам Ленин давно уже перестал быть почитаемым вождем и носителем абсолютной истины, а вне большевистской парадигмы невозможно всерьез оценивать Сталина с точки зрения того, был ли он верным учеником и соратником Ленина. О Ленине теперь известно немало неподобающих вещей, однако, когда нужно уличить Сталина, участники дискуссий склонны опять прибегнуть к ленинскому авторитету.

Более близкий к теме настоящей книги пример — это вопрос о том, участвовал ли Stalin в знаменитой тифлисской экспроприации 1907 года. Главным ее исполнителем был Камо, а организаторами — большевики. Тогда же имел место яростный спор с меньшевиками, требовавшими отказаться от экспроприаций и террористической деятельности. Меньшевики обвиняли в организации экспроприации и даже участии в ней Кобу. Доказательств его непосредственного участия не было и нет. После революции в советских изданиях «тифлисский экс» стал преподноситься как один из отважных и лихих подвигов Камо. В то же время, насколько теперь возможно установить, в партии ходили упорные слухи, что Stalin все-таки был причастен к «тифлисскому эксу».

Троцкий утверждал, что «личное участие Кобы в тифлисской экспроприации издавна считалось в партийных кругах несомненным», а сам Stalin «не подтверждал этих слухов, но и не опровергал их»³ (очевидно, говоря это, Троцкий исходил из ситуации двадцатых годов). Но применительно к Stalinу в устах старых большевиков, находившихся во внутрипартийной оппозиции к нему, слухи эти легко принимали характер компрометирующих. При этом от своих идейных основ эти большевики-оппозиционеры не отказывались и от большевизма (в их понимании) не отходили. Таким образом,

³ Троцкий Л.Д. Stalin. Т. 1 / под ред. Ю. Фельштинского. М.: Терра, 1990. С. 155.

Сталину они ставили в вину ту самую акцию, за которую Камо считали героем. Для сравнения: никому тогда не приходило в голову упрекать Емельяна Ярославского, который в прошлом стоял во главе большевистской боевой группы на Урале и экспроприаций за ним считалось значительно больше. В официальных биографиях Сталина периода культа личности «тифлисский экс» не упоминался. Зато грузинские меньшевики, продолжавшие в эмиграции публицистическую борьбу, решительно обвиняли Кобу в организации не только тифлисской экспроприации, но и других террористических акций. Воспоминаниями эмигрантов пользовались как источником западные авторы книг о Сталине, и этот эпизод довольно устойчиво трактовался как порочащий советского вождя.

После XX съезда КПСС и разоблачения культа личности внутри страны стали слышнее голоса старых большевиков, многие из которых вернулись из лагерей и ссылок. Они сохраняли верность убеждениям своей молодости и охотно приняли и поддержали хрущевскую концепцию извращения Сталиным ленинских норм партийной жизни. Их стараниями возродились слухи об участии Кобы в «тифлисском эксе», опять же направленные против него. При этом в советской печати по разряду пропагандистской историко-партийной литературы выходили книги, где организация тифлисской экспроприации... ставилась в заслугу Степану Шаумяну, одному из 26 бакинских комиссаров⁴.

Враги Сталина любили задним числом упрекать его в трусости. Оставим в стороне вопрос, каким образом трусливый человек вообще оказался бы в революционном подполье. Кобу называли трусом, но также — главой боевиков-террористов, участником (лично!) тиф-

⁴ «Вся операция была подготовлена с ведома и одобрения С. Шаумяна. В тот же день Камо явился на квартиру Шаумяна и сообщил ему об этом» (Акопян Г.С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность / под ред. Л.С. Шаумяна. М.: Политиздат, 1973. С. 65).

СТАЛИН, КОБА И СОСО

лиссской экспроприации, и наконец, бандитом-уголовником. Как согласовать все это между собой? Можно вообразить совмещение в одном лице боевика, экспроприатора и уголовника; однако как тот же самый деятель мог оказаться человеком не в меру боязливым? Здесь нам в очередной раз приходится сталкиваться с полнейшей непоследовательностью сталинских врагов.

Что касается его апологетов, то содержание их мемуарных рассказов то и дело менялось в зависимости от смены политического и идеологического курса, поэтому зачастую важно не столько то, что говорит рассказчик, сколько дата, когда рассказ записан. Это несколько сходно с ходившей в СССР графической антисоветской шуткой: чертились расходящиеся веером из одной точки две прямые линии, а между ними змеящаяся кривая. Прямые обозначали соответственно «левый уклон» и «правый уклон», кривая — «генеральную линию партии».

При таком сложном и противоречивом грузе традиции задача анализа источников особенно увлекательна, она и является целью данной работы. Читатель не найдет в этой книге новой, научной, достоверной биографии молодого Сталина, но только обзор основных видов источников для нее, размышления о степени их достоверности и информационных возможностях, об исторических и идеологических зигзагах, приведших к их появлению. А поскольку источники, как было сказано выше, сильно зависели от текущей конъюнктуры, то начать придется с истории того, как была представлена жизнь Сталина-революционера в печати.

I. История биографии большевика Джугашвили

О Сталине существует такое множество работ, что даже простое их перечисление является задачей непосильной. Однако за несколькими исключениями трудам многочисленных биографов Сталина свойственна общая особенность: о дореволюционном периоде десятилетиями писали, ссылаясь главным образом на весьма узкий круг фактов, свидетельств и источников, введенных в оборот достаточно давно и кочующих из книги в книгу. Причем вернее даже было бы говорить о наличии в историографии двух несходных и лишь отчасти пересекающихся наборов фактических сведений и цитат: одни фигурировали в официальной прижизненной сталинской биографии, писавшейся в СССР (а также зависимых от нее западных текстах, таких, как книга Анри Барбюса «Сталин»), другие — в работах, вышедших за рубежом.

При жизни Сталина любые биографические материалы о нем в СССР публиковались весьма сдержанно, даже скромно. Документальные публикации строго дозировались и исчислялись единицами, то же касалось книг и статей о его революционном прошлом. Жесткий контроль за всем, что публиковалось относительно сталинской биографии, имел свою предысторию и причины.

Первая известная попытка найти в прошлом Сталина компрометирующие сведения относится еще к 1918 году. Лидер меньшевиков Ю.О. Мартов в статье газеты «Вперед» № 51 заявил, что Сталин в свое время был исключен из партии за участие в той самой тифлисской экспроприации 1907 года. Сталин в ответ обратился в революционный трибунал с жалобой на публичную клевету со стороны Мартова. Московский революционный трибунал рассматривал это дело 16 апреля 1918 года и пришел к крайне невнятному ре-

шению. Вопрос о клевете на Сталина был сочен трибуналу неподсудным, но трибунал признал в других местах текста статьи Мартова «наличность оскорбления для власти Рабоче-Крестьянского Правительства» и постановил выразить ему «за легкомысленное для общественного деятеля недобросовестное в отношении народа преступное пользование печатью, общественное порицание»¹. Надо отметить, что оформлено решение трибунала было крайне косноязычно и бесполково. Впрочем, по всей видимости, тогда все постановления революционного трибунала звучали столь же путано и нелепо просто по неумению формулировать мысли письменно и незнанию (и отрицанию) большевиками даже основ юридической нормы.

Сталин, имевший тогда ранг наркома, 17 апреля подал кассационную жалобу (его собственная дефиниция) в Наркомат юстиции. Решение о неподсудности его дела трибуналу он назвал незаконным и не соответствующим декрету о суде и просил представить его жалобу с заключением наркома юстиции во Всероссийский ЦИК². На следующий день из Наркомата юстиции было послано представление во ВЦИК за подписью наркома П. Стучки с предложением удовлетворить жалобу Сталина и передать дело на новое рассмотрение в Московский революционный трибунал в другом составе³. Мартов требовал вызова с Кавказа свидетелей — Исидора Рамишвили, Ноя Жордания, Степана Шаумяна, — что в тогдашней обстановке вряд ли было реалистичным. Дело закончилось ничем⁴. 2 июня того же 1918 года Н.Н. Суханов, выступая на заседании

¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 13–13 об.

² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 12 (фотокопия жалобы в подлинном деле Московского рев. трибунала); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 155 (автограф).

³ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 14–15.

⁴ Л.Д. Троцкий подробно разобрал этот эпизод в своей книге о Сталине и не смог прийти к однозначному выводу

ВЦИК с критикой деятельности революционных трибуналов, в качестве примера сослался как раз на этот случай: «Вы помните, сколько шума вызвал процесс Сталина и Мартова, и как настаивал Сталин, чтобы для него был особый суд, чтобы его судили в какой-то особенной инстанции. Честь его до сих пор не защищена; он к суду, созданному нами, не прибегает, и дело это осталось неподвижным»⁵.

Не зная логики внутрипартийных баталий, взаимных обвинений и предрассудков, зачастую сложно объяснить, почему та или иная деталь рассматривалась как компрометирующая, замалчивалась одними и вытаскивалась на свет другими. К примеру, какая, казалось бы, беда в том, что в декабре 1925 года центральный орган Закавказского краевого комитета ВКП(б) газета «Заря Востока» опубликовала под рубрикой «Двадцатилетие революции 1905 г.» два архивных документа: письмо Сталина из сольвычегодской ссылки и донесение начальника Тифлисского охранного отделения ротмистра Карпова, сообщавшее, что Иосиф Джугашвили в 1905 году был арестован и бежал из тюрьмы? Или что в 1929 году, к 50-летнему юбилею вождя, та же «Заря Востока» и «Бакинский рабочий» поместили найденную в архиве бывшего Бакинского губернского жандармского управления фотографию Кобы, указав, что она относится к 1905 году?⁶

Проблема была в том, что Сталин, заполняя после революции биографические анкеты, ареста в 1905 году не указывал. Сейчас, собрав большой массив жандармских документов, можно уверенно утверждать: не указывал, потому что этого не было, после побега из первой ссылки в январе 1904 года он не попадался в руки полиции

о правоте Мартова или Сталина. См.: Троцкий Л.Д. Сталин. С. 148–150.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 19. Д. 22. Л. 23.

⁶ На эти обстоятельства обратил внимание автор одной из недавних книг о молодом Сталине: Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб.: Нева, 2002. С. 10–12.

вплоть до 1908 года. Но тогда, в двадцатые годы, история самой партии и биографии виднейших большевиков еще не имели четкой хронологии, даты путались, все представлялось неясным и неочевидным. Зато со временем подполья считалось, что если кого-то арестовали и вскоре отпустили, то это бросает на него серьезные подозрения: раз отпустили, значит, во время допросов его завербовали и теперь он полицейский осведомитель. Жандармы, кстати, об этом знали и зачастую этим пользовались, ведь благодаря подозрительности подпольщиков было легко вывести из игры участника революционного движения, просто ненадолго его арестовав. Столь же подозрительным мог казаться и слишком легкий побег. О побеге Джугашвили из Иркутской губернии в начале 1904 года как раз и ходили нехорошие слухи, будто бежал он с согласия жандармов (это я также вынуждена опровергнуть как не соответствующее действительности). Впрочем, невозможно определить, в какой момент эти слухи возникли, тогда же или значительно позже. Факт тот, что тюремная фотография Иосифа Джугашвили с датой «1905 год» могла, конечно, быть невинным промахом публикаторов, но могла также оказаться понятным посвященным и коварным подкопом под его репутацию.

Еще более очевидным компрометирующим материалом было опубликованное письмо Сталина из Сольвычегодска, ведь в нем он со свойственной ему грубоватой иронией обозвал развернутую тогда Лениным борьбу с очередными партийными оппонентами — так называемыми «отзовистами» (большевиками, предлагавшими прекратить все виды легальной борьбы, отозвать своих депутатов из Государственной Думы и полностью перейти к нелегальным методам) — «бурей в стакане воды» и замечал, что «вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: “пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот

работай, остальное же приложится". Это, по-моему, к лучшему»⁷.

Беда была не только в том, что несогласие с ленинской линией считалось одним из худших большевистских грехов. Р. Такер подробно проанализировал, как в ходе соперничества за место партийного лидера, освободившееся после смерти Ленина, серьезными аргументами стали близость к Ильичу или случаи отклонения от его линии. На роль преемника претендовал Л.Д. Троцкий, с ним вступили в полемику Н.И. Бухарин и сам Сталин, причем спор вертелся вокруг роли каждого в октябре 1917 года. Более давние заслуги и прегрешения перед партией в полемике с Троцким 1924–1927 годов не были востребованы, что неудивительно, ведь Троцкий до 1917 года не входил в большевистскую фракцию. Зато Сталину припоминали историю с «завещанием Ленина» и предшествовавший конфликт с Ильичом⁸.

Публикации в закавказских газетах в декабре 1925 года служат иллюстрацией того, что внутрипартийная интрига не сводилась к соперничеству в узкой руководящей группе или по крайней мере к непосредственной полемике Троцкого, Бухарина и Сталина. Верхушка Закавказского краевого комитета ВКП(б) вела какую-то свою игру, и особенно странно то, что первым секретарем крайкома в тот момент был Серго Орджоникидзе, который считается человеком, близким к Сталину. Очевидно, мы недостаточно знаем о подспудных процессах, происходивших в местных комитетах ВКП(б), их цели и участники нуждаются в дальнейшем изучении. Немаловажно, по-видимому, что указанные публикации появились как раз в дни,

⁷ Письмо Сталина В.С. Бобровскому от 24 января 1911 года, подлинник этого письма: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 641. Л. 177.

⁸ Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929 // Такер Р. Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2006. С. 225–244.

когда проходил XIV съезд ВКП(б), ставший одним из этапов борьбы за власть.

В преддверии 25-летнего юбилея Бакинской социал-демократической организации в 1923 году в Баку местным Истпартом был издан сборник «Из прошлого», в следующем, 1924 году, под эгидой Бакинского комитета Компартии Азербайджана вышли одновременно две книги под схожими названиями: «25 лет Бакинской организации большевиков (основные моменты развития Бакинской организации)» и «Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков». Первая представляла собой небольшой исторический очерк, составленный Истпартом при ЦК и БК АзКП, вторая — сборник воспоминаний и статей. В нем, как и в сборнике «Из прошлого», участвовали такие заметные партийные деятели, как А.И. Микоян, С.М. Эфендиев, М. Мамедъяров, С. Жгенти, А. Рохлин, А. Стопани, А. Енукидзе, С. Орджоникидзе, В. Стуруа, Г. Стуруа, И. Голубев, С. Якубов, С.Я. Аллилуев. Здесь никаких прямых текстуальных выпадов против Кобы-Сталина не было, напротив, изумительной особенностью обоих сборников является почти полное отсутствие его имени. Несколько скучных упоминаний — и все⁹.

О нем нет ни слова даже в статье С. Аллилуева (который десяток лет спустя превратил воспоминания о собственном революционном прошлом и о дружбе со

⁹ В очерке «25 лет Бакинской организации...» Stalin также вовсе не упомянут, но и весь очерк написан обезличенно, без имен партийцев. Как ни странно, единственные фигурирующие там фамилии — это убитый еще в 1905 году рабочий-большевик П. Монтин и братья Шендриковы, бакинские социал-демократы — популисты, создавшие свою группу, в 1904–1905-х годах пользовавшуюся успехом среди рабочих. Большевики с Шендриковыми враждовали, называли их «полуменьшевиками, полуавантюристами» и в 1920-х годах с большим увлечением продолжали задним числом их изобличать. «Борьба с шендриковщиной» являлась непременным сюжетом мемуарных текстов большевиков — выходцев из Баку.

Сталиным чуть ли не в главное свое занятие). А ведь именно в бакинском подполье Сталин сделал революционную карьеру и выдвинулся в число ведущих большевиков. Умолчание о Кобе в бакинских сборниках выглядит нарочитым, демонстративным, и его невозможно счесть правдивой позицией. Очевидно, это было следствием враждебного отношения к Сталину в тогдашней верхушке бакинского партийного руководства, под влиянием или в угоду которой его имя исчезло из статей не только сугубо местных деятелей, но и Микояна, Орджоникидзе, Аллилуева. Мы не знаем в точности истоков и конкретных причин этой враждебности, но можно предположить, что здесь имелись два разновременных пласта.

После гибели 26 бакинских комиссаров Сталина упрекали в том, что он, находясь на Царицынском фронте, не пришел на помощь Шаумяну и бакинской коммуне. А это заставило вспоминать, актуализировало какие-то давние, дореволюционные еще счеты. В чем они состояли, неясно; по сведениям опытных исследователей темы, речь могла идти об обстоятельствах, касавшихся бакинской подпольной типографии¹⁰. Видимо, отсюда же, из Баку 1920-х годов, происходит устойчивая, передававшаяся устно и всплывшая много позже в годы хрущевской оттепели со ссылкой на старых большевиков версия о том, что Сталин вообще не играл никакой роли в кавказском революционном движении. Версия, несомненно, лживая и несуразная.

Несколько позднее, в 1927 году, в грузинском Госиздате на русском языке вышла книга Ф.И. Махарадзе «Очерки революционного движения в Закавказье». Филипп Махарадзе был десятью годами старше Иосифа Джугашвили, учился в той же Тифлисской духовной семинарии, входил в самые ранние социал-демо-

¹⁰ Я глубоко признательна докт. ист. наук А.П. Ненарокову, докт. ист. наук З.И. Перегудовой, докт. ист. наук И.С. Розенталю и заместителю директора ГА РФ Л.А. Роговой за обсуждение этого предмета.

кратические кружки, был в числе центральных грузинских большевистских деятелей и одним из первых теоретиков марксизма в Грузии, с 1903 года входил в состав Кавказского союзного комитета РСДРП. В советское время Махарадзе занимал крупные государственные посты в Грузии, был председателем ЦИК и СНК Грузинской ССР, председателем Госплана, ЦИК ЗСФСР. Позднее в разгар политического террора в 1938 году Махарадзе стал председателем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно он являлся директором грузинского Института марксизма-ленинизма. Жертвой политического террора Махарадзе не стал и мирно скончался в декабре 1941 года в Тбилиси.

Упомянутая его книга о революционном движении в Закавказье отличается той же особенностью, что и бакинские юбилейные издания к 25-летию партийной организации: Сталин в ней не упоминается. Махарадзе даже батумскую стачку и демонстрацию 1902 года ухитрился описать, ни слова не сказав о Сталине. Впрочем, как и авторы очерка к 25-летию Бакинской организации, Махарадзе старался называть минимум имен. Если относительно партийной верхушки Азербайджана можно предполагать, что неприязнь к Сталину подпитывалась событиями Гражданской войны и расстрелом бакинских комиссаров, то какие именно старые счеты были к нему у тбилисских большевиков, сказать сложнее. Пока эта тема не исследована глубже, можно лишь констатировать такого рода факты.

Помимо этого в 1924 году во втором номере журнала «Печать и революция» впервые были изданы письма Я.М. Свердлова из туруханской ссылки, в которых он жаловался на Сталина, бывшего его товарищем по изгнанию: «Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни». Это, несомненно, был еще один шаг в той же внутрипартийной борьбе биографий и компроматов. На все эти публикации об-

ратил пристальное внимание Л.Д. Троцкий, в заметке «К политической биографии Сталина» он обсуждал и документы 1905 года, и слухи об участии Кобы в тифлисской экспроприации, и письмо из Сольвычегодска, а в бумагах его сохранилась копия публикации в «Заре Востока»¹¹. Эти работы Троцкого о Сталине написаны позднее, не были опубликованы при жизни автора и принадлежат уже к эмигрантской линии разбирательства с прошлым советского диктатора. Но то обстоятельство, что работа над сталинской биографией, вероятно, стоила Троцкому жизни («У каждой книги своя судьба. Но не каждого автора убивают во время работы над текстом по приказанию героя его произведения»)¹², только подчеркивает, насколько острой была эта тема.

Возможно, там же — в партийных склоках начала двадцатых годов — следует искать также и истоки живучего слуха, что Сталин был уголовником, налетчиком, главарем банды. Эти слухи весьма настойчиво циркулировали в Закавказье и отразились, например, даже в выдающемся художественном произведении, повести Фазиля Искандера «Сандро из Чегема» (глава «Пиры Валтасара»). Никаких сколько-нибудь достоверных подтверждений уголовного прошлого Иосифа Джугашвили мне найти не удалось, а все известное о его характере, личности и биографии исключает такую возможность. Вместе с тем при внимательном изучении нравов революционной среды, в том числе и особенно кавказской, бросается в глаза их типологическая

¹¹ Троцкий Л.Д. Портреты революционеров / под ред. Ю.Г. Фельштинского; предисл. и примеч. М. Куна. М., 1991. С. 87–89, 61–64.

¹² Мнение издателей англоязычной версии книги Троцкого, см.: Троцкий Л. Сталин. С. 2. Того же мнения придерживается ряд исследователей, считающих, что решение о ликвидации Троцкого было принято Сталиным именно из-за работы над сталинской биографией. См.: Козлов В.А., Ненароков А.П. Лев Троцкий о Сталинизме и «российском термидоре». Некоторые исторические параллели // Троцкий Л. Сталин. С. III, XII.

близость к нравам и привычкам среды криминальной. Разделявшая их грань была весьма зыбкой, хотя самим революционерам она казалась несомненной.

Еще один нехороший слух о Кобе, ходивший в партийной среде и также кавказского происхождения, — это подозрение, что он являлся агентом охранки. Обвинение гораздо более серьезное с точки зрения ветеранов подполья, нежели слухи о причастности к экспроприациям. Подпольщикам было свойственно искать в своей среде провокаторов¹³, и их действительно было много, особенно в кавказских организациях. Упомянутые выше публикации 1920-х годов содержат намеки этого рода, Б. Николаевский ссыпался на ходившие в Баку слухи, что провал и арест С. Шаумяна были следствием сотрудничества Кобы с охранкой¹⁴. Очень прозрачные намеки на провокаторство Кобы находим даже в автобиографическом романе бывшего бакинского подпольщика, опубликованном в 1925 году в Ленинграде, где либо редакторы, не знавшие бакинских слухов, не опознали в тексте этот опасный момент (что, по правде говоря, сомнительно), либо же выход книги был еще одним из антисталинских маневров на этот раз со стороны верхушки ленинградской партийной организации во главе с председателем Петроградского совета Г.Е. Зиновьевым, который также на XIV съезде партии выступил с критикой Сталина¹⁵.

Однако все архивные поиски не дали решительно никаких достоверных документальных подтверждений сотрудничества Иосифа Джугашвили с полицией,

¹³ Настоящая мания подозрительности и поиска агентов охранки в своих рядах прокатилась по партийным комитетам после серии провалов в 1910–1911 г. См.: Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М.: РОССПЭН, 1996. С. 64–66.

¹⁴ Цит. по: Был ли Сталин агентом охранки?: сб. статей, материалов и документов / под ред. Ю. Фельштинского. М., 1999. С. 19–20.

¹⁵ Гио А. Жизнь подпольника. Л., 1925.

зато нашлось много серьезных аргументов, опровергающих такие подозрения¹⁶. Этот вопрос подробно и блестяще рассмотрен крупным знатоком архивов Департамента полиции и приемов агентурной работы того времени З.И. Перегудовой, к ее работам мы и отсылаем читателя¹⁷. Перу этого же автора принадлежат исчерпывающие в своей убедительности доказательства того, что фигурировавшее в литературе так называемое «письмо Еремина», документ, опубликованный И. Левином, якобы происходивший из переписки жандармских офицеров и свидетельствовавший о Сталине как агенте охранки, является подделкой. Он изготовлен в среде эмигрантов, вероятно, бывшим жандармским офицером Руссияновым¹⁸.

Короче говоря, нет ничего удивительного в том, что, утвердившись у власти, Сталин к началу тридцатых годов взял под твердый контроль все, что выходило из печати не только касательно его собственного революционного прошлого, но и вообще истории партии. Отныне любые публикации такого рода требовали санкции ЦК ВКП(б), а деятельность различных общественных организаций, работавших на этой ниве, была свернута, прекратили существование и сами эти организации: Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков), более известная как Истпарт (действовала до 1928 года), Общество старых большевиков (закрыто в 1935 году), Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ликвидировано в 1935 году).

¹⁶ Комплекс текстов, написанных в ходе полемики вокруг этой проблемы в 1990-е годы и опубликованных в различных периодических изданиях, собран в сборнике: Был ли Сталин агентом охранки?

¹⁷ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 211–289. См. также статьи этого автора в сборнике, указанном в предыдущей сноски.

¹⁸ Там же.

Кажется очевидным, что в условиях формирования культа Сталина и утверждения официальной идеологии была неизбежной фальсификация недавней истории, а подлинная история, опирающаяся на документы, становилась совершенно неуместной. Но только ли потому, что из революционных анналов приходилось вычеркивать одну за другой фамилии большевиков, «оказавшихся врагами народа», чьи имена теперь не подлежали упоминанию, а заслуги следовало приписать верным сподвижникам вождя? Критики Сталина полагали, что он прежде всего боялся разоблачения своего темного прошлого, оттого история по его приказу подвергалась ревизии, а архивы — чистке и изъятиям. Эта точка зрения была очень распространена в эмигрантских кругах и базировалась на убеждении в истинности слухов, что Сталин был агентом охранки и уголовником. Однако слухи эти на самом деле вряд ли когда-либо имели под собой документальную основу, а в том, что в СССР была проведена чистка полицейских архивов, были убеждены не имевшие к ним доступа эмигрантские авторы, но отнюдь не хранившие тогда и хранящие по сей день эти фонды сотрудники архивов¹⁹.

Между тем, просмотрев большое количество историко-партийной литературы и периодики, могущей иметь отношение к молодости Сталина, изданной как в сталинскую эпоху, так и до, и после нее, я заметила одну ускользавшую от внимания исследователей тенденцию. В 1930-е годы из рассказов о революционерах-подпольщиках постепенно исчезает ряд сюжетов: остросюжетные подробности похождений боевиков-бомбистов, экспроприации, убийства штрайкбрехеров, предателей и полицейских агентов, вообще покушения и теракты, транспортировка оружия и проч., — то, что

¹⁹ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917) С. 252–253. О потерях документов Департамента полиции после революции 1917 г. см.: Там же. С. 235–239.

так любили живописать партийные летописцы 1920-х годов и чем полны были до некоторых пор страницы журнала «Пролетарская революция». Описания всего, связанного с техникой революционной работы (способы перехода границы, устройства подпольных типографий, принцип создания гектографа), также уходили со страниц историко-партийных публикаций сталинской эпохи. Заметим, что параллельно тогда же была практически закрыта тема истории террористов-народовольцев, которые хоть и были не марксистами и, хуже того, прямыми предшественниками эсеров, но в 1920-х, а затем 1960–1980-х годах вполне успешно вписывались в ряды героев-революционеров. Симптоматично, что журнал «Пролетарская революция» не пережил военных лет и перестал выходить в 1941 году. В 1930-х история подполья стала пресной, чинной, состоящей исключительно из штудий марксизма, листовок, публицистики, изобличения идейных противников, организационной и агитационной работы (без уточнения, что именно подразумевали эти расплывчатые термины), ну, и разумеется, моментов, когда большевики возглавляли восстания трудящихся масс. Было ли это связано с тем, что лично Сталину нечем было похвастаться по части «боевой работы»? Очевидно, такое объяснение не годится, соответствующие эпизоды в биографии Сталина были, а роль его в этом точно так же могла бы быть раздута и преувеличена, как и в любом другом отношении. Кстати, она и преувеличивалась, но, как это ни парадоксально, в той самой негласной, антисталинской устной традиции воспоминаний старых большевиков и меньшевиков-эмигрантов, приписывавшей Сталину непосредственное участие в тифлисской экспроприации 1907 года и бандитские рейды в охваченном революционными выступлениями Баку.

Представляется, что имелась еще одна серьезная причина для умолчаний, не связанная с личной историей советского вождя и его перешедших в разряд

Конец ознакомительного фрагмента.

Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.